

Шарлотта Лис

Край воронов, или Троянский
цикл

18+

Шарлотта Лис

Край воронов, или Троянский цикл

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40526189

SelfPub; 2019

Аннотация

Фрагмент романа о нескольких друзьях – интеллектуальных юношей с колоритной внешностью. В композиции чередуются главы, представляющие собой картины из прошлого героев, их детства, и главы, развивающие основное действие в настоящие дни. Основное внимание обращено на характер взаимоотношений персонажей, который неуловимо меняет их жизни, доводя их до страданий и трагедий.

Вместо эпитафий

Неизвестно что
Вышло из воды,
Встало на КРАЮ...
Танцы Минус
Вышел из тени вновь
Мой враг – моя любовь...
Брошу мечту свою
И об пол разобью,
Как сломал ты мою долю
И оставил на КРАЮ...

А. Приходько

Саундтрек

Нас называют близнецы,
Мы не друзья,
Мы влюблены...
Snezhno

1.

В послеобеденный час в кафе с западной музыкой, совершенно не по-джентельменски развалился на скамейке и накручивая на дужку массивного ключа прядь всклокоченных ниспадающих волос, вороной красавец бороздил свирепым взглядом ближайшее пространство и с интеллектуальным подходом ворошил в голове искусственно усложнен-

ную мысль о том, как он здесь оказался. Своей надуманной важностью мысль явно выигрывала в ненужности, и брюнет внешне чрезвычайно маялся. Шумная управляющая «Старого замка» ходила между столами и распугивала зачитавшихся первокурсников. Со смутным беспокойством она поглядывала в разъем между двумя дальними окнами и осознавала справедливость своих притязаний, но упрямо делала вид, что смотрит на часы, помещавшиеся точно выше указанного места. Она наблюдала его уже почти месяц, и даже когда он заваливался в несколько длинноватой грубой кожаной куртке – она лишь наблюдала... Он запоминался сразу, цеплял и притягивал, а потом отталкивал и порождал всякие мысли, в основном вертевшиеся вокруг того, что и его в данный момент занимало: как же он здесь оказался? На это честная женщина не находила ответа и склонна была ожидать с его стороны чего-то вроде кражи со взломом, но он исчезал прежде, чем она успевала представить все те яркие поступки, которые он мог бы предпринять, и оставшись наедине с собой, она понимала, что фантазирует, наполняет чрезвычайным содержанием чрезвычайную картинку и уверялась в крайней ограниченности этого портрета. Было ли что-то по ту сторону однообразно маячащих глаз кроме явного напускного безразличия и глухости к окружающему миру, кроме всей той загорней дури, благодаря которой совершенные маргиналы мнят из себя буквально совершенных – было весьма сомнительно для нее, сдергивающей с себя ощу-

щение нереализованной власти вместе с нахлынувшим очарованием. Но бесконечное харизматичное обаяние тянуло на него взгляды женщин разных лет, пробуждая в них неудовлетворенность, раздражение и досаду на то, что берутся же откуда-то ненужные по сути мужчины неземной красоты...

Между тем, бесчувственный вороной красавец пребывал сегодня в явном ударе: на лицо синими тенями ложилось отражение темно-голубых расклешенных джинсов, хлеставшее из непроницаемых темных глаз, резко очерченных по контуру века черной линией туши; рубашка, еще на один тон синее брюк, отливающая отдаленным сизым цветом, пестрела бесчисленными изображениями джинсовых швов и заклепок; из-под одного широкого манжета гремели друг о друга развешанные по запястью несколько цветных шариков, соединенных цепочкой, и половинка плоского сердечка из потемневшего металла; на каждой руке по два пальца были окольцованы. По поясу шел сложнокрестовый узор бахромы, скользкой по ногам почти до правого колена, с левого же бока вся она, стянутая в узел, сплошным жгутом свисала с бедра. Красный пиджак из лаковой кожи лежал рядом на скамейке. Стакан был допит уже как одиннадцатую минуту, шоколадные капли стекали на дно.

Были в памяти заведения дни, когда он являлся, наглухо зашитый в матовую кожу, без косметики, с перевязанными сзади волосами, с пустыми руками, с покрасневшими глазами... Он усаживался в тот же дальний угол и заказывал пол-

ный завтрак. Почему-то это случилось в субботу и иногда в воскресенье с утра.

Сейчас шел пятый час будничного четверга. Вороной красавец вздрогнул от обожаемых им слов песни «I miss you» и стянул свой верхний наряд с пачки книг с яркими заголовками тем из области теории коммуникации. Глупая мысль была исчерпана. Занятие по философии науки в аудитории с евроремонтом отменили. Кафедра была заперта. Работа в каталогах с 15 до 16 часов принесла великолепные плоды. В половине шестого аспирант гуманитарного факультета по прозвищу Немеркнуший появился на теплом крыльце Харьковского государственного университета, и через несколько минут легкий Opel с низкой посадкой и блестящими значками выехал со двора. Его машина всегда сверкала чистотой, так же как и начищенные остроконечные носки его обуви.

Он ехал полями некоторое время, мимо длинного распанного котлована, над которым носилась ржавая пыль, мимо остановок с покосившимися под углом 45 градусов сидок, перед которыми никто не останавливался... Впереди двигалось лиловое муниципальное авто, которое не хотелось обгонять. Когда-то он ежедневно совершал поездку по городской траектории этого маршрутного номера до своего высшего учебного заведения – и теперь с жадностью следуя за растворяющейся в клубах собственного дыма транспортной каравеллой, протаскивал в воспоминаниях свое усредненное утро на полчаса назад, когда его самого в автобусе

еще не было. И потом бешено обошел собственное воспоминание, остановившееся перед поселком «Элитный», и, улетающая от одиноко возвышающихся в стороне крупных строений, скрывающих в полукруге своих стен крышу торгового центра, отсчитал несколько километров до города, проскочил дорожную табличку с яркой диагональной полосой поверх надписи и попал в хвост медленно продвигающейся у шлагбаума колонны машин. Остановка была в нескольких метрах, но до нее он не доехал, а свернул на квартальную дорогу перед самым первым кирпичным домом, от перенаселенности почти вылезшим на проезжую часть. Слева проплыл добрый десяток сказочных домиков с архитектурной кирпичной резьбой; следующий поворот обозначился возле первозданного в этом микрорайоне дворца, построенного в начале 90-х годов. На его задворках вороной красавец поставил машину на край дороги. Впереди был тупик: угол обыкновенного унылого дома с прилежащим к нему газоном выступал с левой стороны, а двигаться надо было как раз налево. Немеркнувший отправился пешком; он медленно вышел к фасаду и побрел вдоль подъездов... Перед противоположным торцом этого дома раскинулся во всю ширь другой – такой же унылый и обыкновенный. Окна первого подъезда смотрели Немеркнушему прямо в глаза... Он застыл здесь. Ветер развеивал бахромистую тесьму на джинсах, разбрасывал по плечам неприбранные космы цвета вороного крыла, покрытые до половины длины гелем с эффектами мокрых во-

лос. У ног закружило листьями, пылью, пошевелило шнурки на ботинках... Слишком сильный ветер стукнулся Немеркнущему в грудь. Здесь все еще летала беда, но она очень старалась и дышала на него свежими духами, приподняла занавеску на первом этаже, так что стала видна даже боковая панель холодильника. С этого места больше не нужно было подробностей. Он развернулся на каблуках, подбитых железными набойками и, гулко звуча по тротуарной плитке, быстро пошел назад к машине, бросил себя на переднее сиденье и завел мотор с сосредоточенным лицом.

– Зачем это я здесь... – спросила мысль, которая, видимо, по каждому поводу это любила повторять. В боковое стекло влезло при развороте изображение средней школы, выглянувшей с ближайшего, еще недостроенного пустыря; Немеркнущий посмотрел сквозь нее тусклыми глазами и выбрался, наконец, на свою заветную остановку, которую тут же сердито проехал. Он все глубже и глубже погружался в оживленную часть города; остался позади и окончанный вуз – Немеркнущий даже и не взглянул на него... Опять не доезжая до некоей на этот раз центральной остановки, он свернул в сторону возле красного небоскреба в форме свечи, который вылезал на дорогу, словно задыхаясь от тесноты; снова замелькали по левому борту резные трех – и четырехэтажки. Он повернул у крайнего дворца, как две капли воды похожего на тот, с заднего двора которого он непонятно бежал. На этот раз он не ошибся и спокойно вылез из ма-

шины, не оглядываясь по сторонам. Домик глядел на круговые дорожки открытого стадиона. На месте тупиковой унылой жилплощади аккуратно строили спортивный комплекс. Немеркнувший нажал кнопку автоматически разъезжающихся ворот подземного гаража...

2.

Зеленый забор детского сада давно потонул в природной зелени. Тучи неслись стремительно, мелькало голубое небо между ними; и хотелось остановить каждую, вмещаться в их движение и ловить, ловить лето каждым вздохом! И он жадно дышал прохладным воздухом и надышаться не мог; страсть никак не оставалась и проходила, а чувства требовали все новой страсти, которая клоками набиралась из летящего августовского ветра и терзалась от тоски по прошедшим трем месяцам... Четверть нового – тринадцатого! – года жизни была сожжена. Паша резко подняла голову от травы; почти одновременно в глубине квартиры гулко прозвучал телефонный звонок. Он представил, как мама сейчас возьмет трубку... Кто бы это мог быть?

– Да... – в открытую форточку все было прекрасно слышно. – Мальчик, ты приехал! Конечно, он дома... Только во дворе, гуляет с черепахой... Перезвонишь... Хорошо, я не буду ему говорить...

Он рассеянно провел рукой по роговым клеткам панциря, вздохнул и потащил животное домой. Интересно, как это

мама сейчас начнет ему врать?

И сразу с порога он заявил, не глядя ей в глаза:

– Он приехал. Мне было все слышно...

– Ну вот! – воскликнула она. – Тогда ты не говори ему, что все знал. Он ведь хочет сделать тебе сюрприз!.. <...>

3.

Кухня была тем местом, которое он драил с особой тщательностью, залезая под столы, раздвигая табуреты и покрывая кафельные стены тоннами несмываемой чистящей пены. Он начинал расхаживать между залом и огромным гастрономическим пространством, отрываясь от танцующих фигур по MTV на экране встроенного в стену домашнего кинотеатра и возвращаясь к недотертому обеденному столу из модного итальянского гарнитура SCAVOLINI. Разделочная панель, причудливо изгибаясь, следовала от стены на самую середину кухни, отгораживая таким образом половину помещения под столовую. Даже расцветка пола рабочей зоны резко отличалась от обеденной. Вся мебель и утварь были зеленого цвета – все от пластиковых стаканов для сока и высоких сидений до поверхности жарочного шкафа и стеновых панелей. И пахло от этого цвета детством, шумным семейством, но пир он устраивал всегда в одиночку, теряясь по утрам где-нибудь у окна со спагетти и кетчупом.

В зале было практично и строго, как в рекреации офисного центра: огромный диван из красной кожи и телевизор

на полстены. От обилия пустого пространства часто позванивало внутри к танцам, но каждый раз хладнокровно давил Немеркнувший старую память своего тела и продолжал мерить квартиру неспортивными шагами, бесконечно затирая шваброй свои грязные следы со светлого линолеума в коридоре...

4.

Час спустя Трой уже вошел в подъезд и забарабанил в новую металлическую дверь, обитую рейкой, отчего она, неплотно примыкающая к стене, загремела засовом.

– Да, – сказал он оценивающе, – а я еще мудрствовал, как это вы при двойной двери продолжаете жить без звонка.

– Когда она вот так трясется, всякий раз кажется, что ее пытаются высадить, – ответил Артем, отступая на шаг и пряча глаза. И вдруг со злобной кривой улыбкой, несвойственной самому себе, указал направление в маленькую комнату:

– Проходи, смотри... Теперь у меня есть свой угол...

Они застыли на пороге, впервые продолжительно глядя друг на друга.

– Умерла прабабушка? – тихо спросил Трой.

– Да, тяжело и безобразно. Я один тут был... С ней. Зашел, чтобы новые часы взять и показать отцу... И видел последний вздох... Это хрип был...

На том месте у стены, где раньше стояла пружинная кровать со стальными решетчатыми спинками, теперь красова-

лась низкая тахта из зала.

– Они мне ее переставили, а туда отец купил какую-то противную мягкую мебель. Какую-то полосатую – в глазах рябит. И диван раскладывается пружинным блоком, из него бесконечно лохмотья и тряпки торчат... Мне мама обещала детский диванчик купить, а я здесь все равно спать не буду, никогда в жизни! Все равно буду в спальне!

Он выпалил эту речь, отдышался и залез в дальний угол тахты; Трой присел рядом и, водрузив на колени большого плюшевого льва, принялся терзать его за лапы. Артем уставился на это дело и промолчал, хотя весь месяц игрушку пальцем не тронул, а только расческой равнял гриву.

– Я раньше все думал, как бы это здорово было, если б сюда новую мебель и стеллаж для книг вместо бабушкиного шкафа – а теперь вот на душе постыло так... Пока она в коме лежала, я у мамы каждый вечер спрашивал, умрет ли она – и мама голову опускала и говорила «да». И теперь я знаю, что так оно бывает со смертными – и со всеми нами так будет: вот с этим хрипом и... обезвоживанием организма!

– А это что? – осторожно спросил Трой.

– Это когда лужа на полу. Я стою перед ней, слышу, как дыхание прекращается, а думаю только, почему вода под кроватью. И потом уже, когда тихо стало, я вышел к родителям и сказал, что тут какая-то лужа... И они как подскочат разом... Понимаешь, она ведь несколько недель воды не пила – и вдруг лужа. Я когда понял все, мне так стало гадко,

будто очутился я в зловонной яме.

Трой поднял на Артема огромные расширившиеся глаза, блестящие от крупных слез; один переливался карим цветом, другой – зеленым; львиная лапа нелепо задралась вверх.

– Я тогда вспомнил, что Паша странно себя вела: в полдень выскочила к кормушке и сразу назад, даже на солнце не лежала. Она чувствовала! А мы нет. Мы ведь целый месяц готовились – и оказались неготовы вовсе...

– А помнишь, как у Милы мама умерла в 5 классе? Она тогда всю жизнь знала, что это случится и даже в школе смогла чему-то рассмеяться на перемене. Даже не знаю, зачем так притворяться, я бы точно смеяться не стал...

– А нам даже и плакать было некогда. Мы вообще не знали, что дальше делать. Сразу заперли квартиру и поехали к папиным родителям. Уже темнело, помню, был девятый час. По улице соседские дети носились, наверняка, они думали, куда это я с обоими родителями отправился. А я даже не взглянул на них – такого серьезного и торжественного из себя строил... Мы часов в десять вернулись домой, бабушку и деда с собой привезли. Сразу столько народу стало: соседи пришли. Мама сразу же закрылась со мной в спальне, потому что ее не допустили тело обмывать. Она мне стала, как маленькому, рубашку расстегивать и все твердила: «Мы с тобой сейчас уснем и будем до самого утра спать».

Вторая львиная лапа, неловко переломившись, застыла вертикально. Трой угрюмо смотрел перед собой. Маленький

мальчишка в белых шелестящих брючках и безрукавке с капюшоном и модным драконом в позе из американских блокбастеров на груди, кажется, немного вырос за год, но на фоне долговязого и костлявого Артема так и остался мелким и по-детски нежно сложенным.

– Только сон не шел ко мне. Мне белая ваза на верхней полке напоминала прабабушкин платок. Я вознамерился выйти, а мама переполошилась: «Что ты? Куда ты?» А я говорю, что мне нужно в туалет. Выхожу – и стою между кухней и маленькой комнатой напротив туалета, шагу не могу сделать ни вперед, ни назад... Тут я и разревелся... Бабушка у плиты стояла; они с соседками пекли что-то, кутью готовили... Говорит: «Ты почему плачешь? Живот заболел?» А я говорю, что мне прабабушку жалко... Она меня обняла так крепко и назвала умницей, наверное, рада была, что у меня сердце есть...

Небо затянуло. В комнате стало полумрачно и даже холодно; на душе у обоих сделалось полуобморочно. И тут Трой обратил внимание на толстые некрашенные решетки... и даже кивнул на них головой.

– К нам лезли, – ответил Артем бесцветно, с упорством втапывая суставы ног в мягкое сиденье, – ночью на кухне засунули металлическую трубу, сдвинули ей чайник и включили плиту... Мама на следующий же день заказала и дверь, и решетки. И теперь я боюсь пожара еще больше, потому что если он начнется, мы уже не сможем выбраться в окно...

– Отчего же ты говоришь о пожаре, как о решенном деле?!

– А потому что ту трубу можно просунуть и между прутьями решетки и включить плиту, а мы можем не проснуться другой раз от звона стекла...

– О! – воскликнул Трой задорно. – Неужели ты проснулся от шума?!

Артем покраснел и признался:

– Да нет... Я не проснулся. Или, по крайней мере, я проснулся последним...

– А мы тоже будем жить с решетками, – сказал вдруг Трой.

– На третьем этаже?!

Тут лохматая голова со спускающимися на шею пушистыми прядями иссиня-черных волос повернула свое лицо навстречу исчезающему свету, в сторону настороженных дружественных глаз:

– Артем... Мы переезжаем... Папа купил новую квартиру.

Он мужественно принял этот новый удар, только дернулся, как от электричества и резко навалился на край тахты, словно намереваясь лезть дальше на стенку.

– В центре?

– Ага...

– Школа будет элитная?

– Да нет, – мягко возразил Трой, – я не хочу менять класс, итак уже живу двойной жизнью... Меня Ворконий будет возить. Папа и машину купил...

– Значит, дела хорошо пошли?

– А брат заработал в этом году на плантациях в ЮАР, и по нашей валюте вышли большие деньги. А потом защитился в аграрном, и мы с ним летали на Сейшелы... во время весенних каникул.

– Значит, Сейшелы?!

Голливудский дракон глянул на Артема и почти подмигнул, намекая, что лучшая жизнь Троя была, видимо, предками похоронена в его крови! Артемова зловредность лязгнула в ответ зубами, а островитянин продолжал барабанить в невидимую заслонку оправдательными словами:

– Но мы больше не поедem. Ворконий там на серфинге залетел в мангровые заросли и его зашивали в больнице. А я как бы один остался, и отец по этому поводу кипел, как славный чайник!

Тут Трой рассмеялся и неожиданно цапнул Артема пониже пальцев ближайшей ноги, тот издал икающий звук и выехал по зеленому пледу вперед конечностями на середину. Они уселись напротив друг друга, и на младшего потомка фермеров Данаевых напали «игрушки».

– Чего ты разговариваешь со мной, как с привидением?

– А я, видимо, охотник...

– Так ведь я же тебя поймал!

– Вот ты и неправильно сделал!

– Все равно ты не охотник, ты заблудившийся снайпер...

– Да нет, у меня метод приманки. Я притягиваю одни неприятности...

– И я неприятность?!

– В некотором роде. Если бы меня в собственной жизни было так же мало, как сейчас в твоей, я бы даже сказал, что это смертельный случай!

Трой потянул волынку на звуке «а» и сошел с обсуждения своей личности.

– А что же ты делаешь со всеми ужасами?

– Что же мне делать с ними?

– Раз ты охотник, и ты их поймал... Дальше-то что? Терзать, наверное?

– Ну да! Терзаю. Ты вон терзаешься.

– Почему это я терзаюсь?!

– Потому что ты спросил, чего ради, мол, я говорю с тобой в какой-то аномальнейшей манере...

– Да ты же не рад мне! И я потому спросил.

– А зачем покупать новый дом в другом конце города, если через полгода снова уезжать?

– Да ведь ты не знал еще этого, когда дверь мне открывал... А вообще это для меня папа сделал. Я ведь не буду уже ездить, когда вырасту. И мама сказала, что мне лучше тут устраиваться, чем в Житомире: у нее в университете аспирантура есть, а там что?

И тут охотник за привидениями принялся тереться стриженной головой о загорелые плечи своего друга и бессмысленно вопрошать:

– И ты перестанешь, не будешь, ты останешься, да?

И тут друг сморозил страшную глупость:

– Вот когда тебе папа накопит к 18-летию на квартиру, ты будешь выбирать дом в моем районе...

– Господи! – крикнул Артем, взвываясь над постелью, и тут же зашептал горячими, страстными, прямо-таки душе-раздирающими словами:

– Да мой отец четыре месяца жил на съемной квартире, пока не додумался, что семья ему дорога. Открыл себе Америку! Христофор Колумб! А мама ради него выгнала нормального мужика! А нам Олег и решетки варил, и овощехранилище купил, и мне помогал по геометрии!!

– Так они дрались?!

– Нет, он нас после театров всегда высаживал подальше от дома на массиве, но папа всегда на маму пытался кинуться с кулаками. И я орал тогда по-стыдному, по-девчоночьи, а он хватал телефон, набирал деда и гавкал в трубку, что жизнь не удалась и сын небитый ревет... И когда на Новый год он нас не отпустил к Олегу, и я вместо стола и спокойствия получил пламенную речь, что слезами вытребую с отца дорогих рождественских подарков – тогда мама подала на развод и сказала, что его полицией выселят из нашего дома. И вот опять все прахом, и ни до чего я не домечтался, хотя вот только в конце учебного года Олег еще ночевал в соседней комнате! И теперь вот ты меня кормишь, что через 10 лет не будешь ездить на ферму! А может быть, уже в следующем году ты уедешь навсегда!

– Да ну какая ферма! Я же неучем там останусь...

– А вот если ты не поступишь в свой университет?! И ты поедешь в итоге на ферму! А знаешь, почему ты не прой-
дешь? Потому что ты по две четверти в году учишься на фер-
ме!

И все это, сказанное шепотом, совершенно его придуши-
ло. И проглотив еще несколько горьких неконструктивных
фраз, он произнес тихо и твердо, оглядывая пространство
перед собой влажными глазами:

– Когда я стоял на улице перед гробом, мне казалось, что
все это уже не впервые и давно надоело. Мне чудилось, что
мое место уже найдено для меня за сотни километров отсю-
да, и я страшно тупил на мысли: а как же я здесь-то опять
оказался??

Трой молчал. Ему было смертельно больно за свои Сей-
шелы, будто они были во всем виноваты. Однако, стоило им
украсть два месяца переписки, как сразу все и случилось в
жизни Артема.

В дверях возник жизнерадостный халат цветущей Арте-
мовой мамы.

– А чего вы сидите так тихо? – спросила она бодро. – Не
играете? Пойдемте, чаем напою... <...>

5.

Звонок великого лингвиста Артема Азаренко ожидался с
минуты на минуту. Пока Немеркнувший трижды перекраивал

лекцию по языку жестов, терзал социологию знаний Малкея и перекладывал с места на место девятый номер «Иностранной литературы» с недочитанным рассказом о туманном ягненке, ему готовили очередную пытку из серии «Что ты узнал о партнере за месяц?» Со звуком радиотелефона было положено залезать в постель и категорически тушить свет; звонить в определенные часы и минуты Артем отказывался и таким образом становился навязчиво ожидаемым.

– Я всегда знал, что ты зарабатываешься, – говорил он нравоучительно.

– Отчего же ты сам продолжаешь трудиться над моим при-
торможенным тобою сознанием? – возражали ему.

– А можешь ли ты утверждать, что я трудился до того момента, как позвонил тебе?

– Никогда не опущусь до того, чтоб проверить тебя по статье разгильдяйства, потому что имею святую веру в обратное...

– А сейчас труд в каком смысле понимаешь?

– В прямом.

– О, это интересно! А переносные какие смыслы знаешь?

– Вот если совершить метонимический перенос с процесса на результат – получим «научный труд» в смысле публикаций. Но для нас с тобой это значение даже очень явно прямое!

– Значит, ты и процессы и результаты теперь как единое считаешь?

– Ну да!

– А мытье посуды ты туда будешь включать?

– Почему бы и нет? Нужное и благородное дело!

– Ага, так значит, ты рассматриваешь «труд» в общем смысле, а не в прямом, потому что прямому тебе нечего противопоставить.

– Ну в общем так в общем! Или меня это позорно клеймит?

– Не клеймит. Просто я понимаю сейчас «труд» конкретно!

– На здоровье.

– Зря ты смеешься. Неуместна тут твоя индифферентность. Из-за разных пониманий «труда» у нас коммуникация не складывается...

– Еще как наоборот! Уже 7 минут драгоценного времени.

– А где тогда он – труд – в смысле «плод»?!

– Видимо, не пришли еще. Хотя не знаю, к чему придти тут...

– А ты в меня прямо надежду вселил. Надо же, я и не думал, что мы еще НЕ... Зато я знаю, чего мы ищем и могу благодарно тебя просветить!

– И что же мы там потеряли?

– Так вот, нашим плодом должно явиться твое понимание того, что ты задал дурацкий вопрос.

– Какой еще вопрос?! И когда?!

– А насчет того, зачем продолжаю над твоим сознанием

трудиться...

– Ах вот что не дает тебе покоя! Да ты успокойся! Это же риторика обыкновенная. И я знаю ответ на этот вопрос: потому что тебе больше нечего делать.

– Отлично сказано. Мне, действительно, больше нечего! Ты плавно перешел в мои координаты. Мы пересеклись.

– Ну а дальше?..

– А поясни мне, или самому себе, или кому угодно – в чем тогда суть понимания моего труда как конкретного...

– Да легко! Ты писал про коды, потом мыл посуду, потом придумывал мне развлекаловку.

– Теперь ты видишь, что ты некорректно спрашивал. Над тобой я не продолжал работать, а начинал... Потому что других дел у меня уже не было.

– Ладно. Я по-другому спрошу: «Зачем ты начал работать, когда я уже отдыхаю?»

– Ай-яй-яй. Да я побью тебя в твоих же воротах!

– Я и не думаю, что тебе удалось бы сделать это в ЧУЖИХ...

– ОК, тогда играю вместе с тобой. Если ты понимаешь труд в общем, почему ты считаешь, что отдыхаешь сейчас? Ты и дышишь, и думаешь, и разговариваешь со мной.

– Ну тогда твое замечание не имеет смысла. По твоей версии, я теперь не могу «заработаться».

– Отлично можешь. Я даю голову на отсечение, что ты над книгами сидел более пяти часов. А я с тобой не разговари-

ваю столько времени. Так кто заработался? Я-то вовремя переключился на другой вид деятельности.

– Да фигня это, Артем! Над книгами ты явно просидел дольше. Ты же с утра начал, а я только с 19 часов. Попался?

– Как будто попавшийся перестает кусаться! Между прочим, ты все равно заработался, потому что потерял меру, ты бы просидел до утра, если б тебя не вытащили. А вот я смог сам переключиться.

– Вот ты и переключился, потому что заработался. А я еще просто не дотянул до своей мерки.

– Нет, дорогуша, неправильно все. Я доработался до точки и бросил. А вот ты заработался! И уже не видел ни точки, ни многоточия, ни того, что час поздний...

– Я категорически против! Заработавшиеся начинают делать уже лишнее, а я не доделал, к твоему сведению.

– В каких масштабах не доделал? На год? На три года? Лекцию на вторник в четверг?

– А ты зачем статью раньше меня написал, если не торопишься?! Короче, ты проспорил...

6.

Пока Селена Станиславовна выпрашивала у Троя подробности переезда, Артем сидел за тем же кухонным столом и тоскливо замазывал слой масла на куске хлеба вареньем.

Сначала это была расслабляющая любовь, потом – раз-

жигающая внутренности ненависть ровно с тех пор, как его перекормили (или, может быть, недокормили?) пирожными на днях рождения друзей. Раньше он мог съесть за раз полную розетку варенья, и Селена добросовестно готовила джемы все лето. Из облепихи... Из одуряющей облепихи, которая до слез прошибала сладкой душевной болью, гармонизировавшей с постоянными муками совести по поводу болезни матери. Кажется, он отдавал сокрытые биологические силы организма ради раскрытия простора сей, по сути, наркотической свободы, по воле которой подсознательным выбором афродизиака поддерживался комплекс родовой вины. Соответственно, булки явились некоторой альтернативой и тянули за собой шлейф иной, обрамленной и упорядоченной, жизни, поэтому он запросил на тринадцатилетие кулинарную «Лакомку» с изображениями бесчисленных шедевров. И ряды легкомысленных тортов с бессмысленным кремом интуитивно внушали спокойствие и довольство. Или хотя бы печенье – пачка грубого овсяного печенья, или хотя бы кусок чужого сладкого пирога! Но отцовское сознание оказалось гораздо трагичнее: периодически дома стал отсутствовать хлеб и не за счет оптимистичных замен, а ради экономии в воспаленной мысли призрачных незаработанных полей.

– Теперь везде массовое строительство. Нас от бульвара отгородили невиданной громадой... И у вас в классе сразу прибавилось несколько человек.

– Там жуткие подъезды, там жуткие лестничные клетки.

Чтобы пройти к пятой на этаже квартире, надо – караул! – завернуть за угол...

– Тетя Селена, а давно он у вас по стройкам лазает?

– Так ведь там живет наша легендарная Анечка Семенова, у которой детский диванчик и две мягкие игрушки на нем – и негде присесть...

– Да, мама... И я пошел с ними, чтобы посмотреть, как они репетируют показ одежды под хорошую музыку, и по пути я впервые сматерился, а потом она не нашла ключа. Все банально.

– Зря ты представляешься, сын. Ты ведь даже не знал, что это слово матерное... Если бы кто-то это заметил, ты бы очутился в дурацком наивнейшем свете.

– Зато я оказался крутым парнем, хоть сам того не знал. У меня естественная харизма...

– Как же, сыграл на публику, а в душе остался простаком. Благословил небо за случай и избавился от слова. Естественным путем. Не умеешь ты материться, Артем. Куда лучше стоять выше всех на ровной площадке, покуда остальные жмутся на своих крутых ступеньках... А у тебя, Трой, не завелись еще вредные привычки?

Но у Троя и так все было написано на лице:

– Я никогда даже не задумывался, зачем они мне...

– О! – воскликнул Артем. – Плохо дело, сказала бы мама. В твоём случае они могут появиться без мотивации. Надо, наоборот, думать, зачем они тебе – и понимать, что неза-

чем...

– Ты неправ! Ты, вероятно, свою маму неверно трактуешь. Если все время держать их в голове и думать зачем, однажды найдешь ответ. Лучше не задавать самому себе глупых вопросов! Человек, например, с рожденья не курит. Так зачем думать об этом?

– Ты знаешь, Троша, – вмешалась тут Селена Станиславовна, – ведь человек много чего естественного просто начинает делать с возрастом. И кто-то курение считает, не задумываясь, естественным. Мне кажется, что ты как раз однажды крепко подумал и встал на твердую позицию. Тебе нет смысла больше к этому возвращаться. В отличие от людей сомневающих, которые никак не могут успокоиться. Так что Артем о себе тоже верно говорил...

– Мама!! Да я никогда не искал аргументов в пользу курения! Что ты будешь делать!!

– Зато находил бесконечные аргументы против. А зачем? Сам себе доказываешь? И все время осуждаешь, истеришь, отстаиваешь... Я тебе не раз говорила: где твой покой? Смотри на друга – есть у него принципы, и он вполне счастлив. А вот такие люди, как ты, иногда устают от своей борьбы и делают все наоборот. «За что боролись, на то и напоролись» – знаешь?

– Мне всегда казалась очень смешной эта поговорка, – вставил Трой. – Как будто люди сами не знают, чего хотят.

– А тут может быть еще другой смысл, про трагичность

жизни, про то, что делаешь, делаешь и умираешь...

– Ты, сын, в домах коридоров не любишь, а сам в себе все коридорами петляешь и ищешь параллельных миров...

– Мама, это же большая разница! Мои коридоры всегда полны и живописны, а тут сплошная пустота, в квартирах никого нет... Зачем тогда настраивать такие высоченные дома?..

– А маленькая красная пристрочка в четыре этажа тоже стоит пустая. Тебе от этого легче?

– Нет, тот дом я люблю! Трой, ты представляешь, там крыша настоящая, сияющая, а не плоская. И на заборе острокопечники. И подземный гараж.

– Выглядит, конечно, как дворец. У вас в районе, Трой, уже начали такие строить?

– Да. И их могут раскупать для детей, на будущее. Поэтому они пока и стоят пустые...

– Вот интересно, – сказал Артем, – а может один хозяин купить весь этот дом? Ходит он, ходит по этажам, внизу у него одни помещения, вверху другие. И все квартиры у него обставлены под разное...

– Сказочник, – резюмировала мама, – да еще и не оригинальный. Копируешь сюжет о мальчике – владельце «вчерашнего дня», где нет никого, кроме него... и сотен пустых домов.

– Тетя Селена, – сказал Трой, – необыкновенно чистым и звонким детским голосом, стараясь еще и заглушить ее по-

следние слова дребезжанием своего стакана, – а можно, Артем поедет со мной на новую квартиру, пока еще там просторно и можно играть в эхо? Папа сейчас начал мебель возить, он нас заберет и обратно привезет.

– Ой, мам, а правда... можно, я... И я тебе расскажу...
<...>

7.

– А дальше «слова», – провозгласил Артем. – Раз ты себя признаешь победителем в диспуте, то начнем с твоего примера. Вот что ты делал сегодня такого, чего вчера не делал?

– Такое как раз есть. У-бор-ка!

– Отлично. Значит, с меня слово на «а»... О чем я все время мечтаю? И... это не машина!

– Да ладно! Все равно это – «авто». Меня-то не переспоришь!

– Загадывай на «о». Я себя неудачно выдал...

Тут Немеркнувший хитро прищурился в темноту и сформулировал следующее:

– А чем я занимаюсь с момента полового созревания?

Артем захохотал в трубке:

– Возможны два варианта: либо «онанизм», либо «образование». И я больше склоняюсь к последнему, несмотря на все твои каверзы в вопросе. Так бы и спросил: «Что я так упорно преследую с 15 лет?» Ну как, загадывать мне на «е»?

– Давай-давай. Не думаю, что это сильно большой срам –

признаться, что не занимаешься онанизмом!

– А вот как ты думаешь, кем я стану, пока у меня не появится любимая девушка?

– Ну... Епископом вряд ли, а то потом и не женишься. Так что однозначно – евнухом!

– Да, брат, будем считать, что девственность свою мы обсудили. Давай на «х». Ума не приложу, что можно загадать на эту букву...

– А первое, что пришло в голову!! Данное слово заложено в фамилии девушки, которую я, первую, ударил в своей жизни.

– И надеюсь – единственную! Помню-помню. Хрусталёва. Хрусталь!

– Поразительная память! Твой ход на букву «л».

– Чего я так и не познал в своей жизни?

– Так и хочется сказать – любви...

– Увы! У тебя еще две попытки.

– А я сдаюсь. Могу надолго задуматься, а это, наверное, не по правилам игры.

– Ты проиграл, друг мой суслик!

– И что там на самом деле?

– Ласка, – произнес Артем проникновенно. – Женская ласка. Любовь-то я испытывал. И без взаимности еще как испытывал! Она меня прямо-таки пытала!!

– А как ни странно, суть-то одна: не было ласки, не было взаимности. А без этого какая любовь? Я сбился на фрей-

ме... Что с меня причитается за проигрыш?

– Совместный завтрак у моего брата в кафе. Воскресенье, 7 утра!

Хм... Помолчали и попрощались...

8.

Артем и Трой стояли перед четырехэтажным домом из свежего кирпича с остроконечной сияющей крышей. Забор с башенками не успел запылиться и бросался в глаза резко очерченными цементными швами. Застекленные решетчатые лоджии глядели на мягкие беговые дорожки и высокие трибуны с зияющими кое-где пустотами между скамеек. Стадион был пуст, но в воздухе висел аромат травяных банных настоев. Возле белоснежной стены трибуны напротив приоткрытой внутрь двери стояли два строгих джипа, в одном из них наигрывала музыка. Третий вездеход, принадлежавший Данаевым, разительно отличающийся от обоих бардовым покрытием и почти непроницаемой тонировкой стекол, распространял наработанную бесшумным мотором теплоту. Подкатываясь к Артемовым ногам, она колебала в нем напряженную пружину, готовую вывернуться наружу бестолково фонтанирующими возгласами. Однако он сдерживался и напускал на себя идиотическое глубокомысленное смирение. Он ожил только после того, как тяжелая подъездная дверь закрылась за ними и они очутились в гулкой пустоте тремя ступеньками ниже уровня распахнутой в

квартиру двери.

– Я ему расписываю прелести наших новостроек, а он совершенно спокойно проживает в идентичной!

– Переезжаю только...

– Ты меня не предупредил, и это свинство...

Тут в дверном проеме выросла статная фигура с рельефными плечами. Круглые зеленые глаза, придававшие всему лицу известную звездную привлекательность, имевшую корни свои в излишнем сходстве с матерью, насмешливо уставились на Артема.

– О чем тебя не предупредили? Ты споткнулся? Осторожно, ступеньки.

– Да дома одинаковые, – бессильно промычал тот, упрямо встряхивая головой.

– Я эмоцию не понял... Папа! Артему все банально...

– А по-моему, он удивлен, – гулко сказал голос Троя.

Ворконий меж тем трясся от смеха и не отставал:

– Брат, тебе не страшно, что у нас на двоих три одинаковых глаза?!

– Да ты пойми, рядом со школой построили такой же дом... А мы уехали. Наверное, обидно?

– Слышишь, папа, тут говорят: ты сглупил!

Внезапно Ворконий отъехал в сторону и оказался в цепких руках Исая Данаева; они были одинакового роста, но коренастый отец умело вертел старшего сына в промежутке между собой и косяком. Неловко прижатая локтем рулетка

полетела на пол.

– А хочешь, я тебя расстрою? Твой шкаф не пролезет в твою комнату. Ну кричи: «Где ж вы, мои холостяцкие этажерки?»

– Я его в зале поставлю... Отпусти меня, батя. Твой пушистый котенок Трошка стоит внизу...

– Да там же целый и нешуточный Трой! Между прочим, гигантская личность! Почти гражданин мифического города! Благословитесь, дети мои, и войдите в эту далекую обитель, ибо остальные дома уже расхватили. И квартиры рядом со школой, видимо, уже принадлежат будущим друзьям Артема...

– Они еще лежат в колыбели. Это Трой так объяснял.

– О! – воскликнул Ворконий. – Тогда это уже не друзья, а невесты! Считай, Артем, тот дом уже в твоём кармане.

Трой подобрался к самому уху и шепнул:

– Все мое – оно уже и твое...

Отец словно ответил на это, но обращался к Ворконию, сглаживая его шутку:

– Перестань решать за других их судьбы.

– Это Ворконий специально издевается, – зашептал Артем Трое в ответ. – Все же видят, как я по-глупому кусаюсь, и глаза у меня завидующие...

И тут проворные Троевы пальцы коснулись его шеи и скользнули почесывающими движениями за ухо. То ли стало неприятно, то ли он все это в обиду переистолковал, но

прежде чем успел сдержаться, уже выпалил отталкивающие фразы:

– Да не трогай ты меня, Трой! У меня начался переходный возраст...

Противно от себя стало сразу же. Он помнил, как классе в третьем они все стояли кучкой вокруг руководителя на перекличке; впереди Артема была девочка, чем-то ему очень нравился ее затылок, ему казалось, что он скучал и думал, как удачно они стоят рядом... Вдруг она обернулась и сказала:

– Хватит дышать на меня. Надоел уже!

Сейчас он подстроил ту же гадость. И, не оборачиваясь, шагнул через порог, провожаемый непонятым взглядом Троя. Направо была большая комната, налево – не меньшее пространство с завинченными на концах отрезками водопроводных труб.

– А где маленькие комнаты? – искренне удивился Артем.

– Там, – сказал Трой горестно, опуская голову, как виноватый.

– Где это «там»? – начал было Артем и вдруг увидел лестницу; она вела вверх!

– Что это?! – спросил он, медленно поднимая глаза словно за улетающей ракетой; верхние ступеньки угадывались на уровне потолка.

– Второй этаж, – тихо ответил Трой, глядя в противоположную от друга сторону.

– А где же другая квартира?

– Она на третьем этаже начинается.

– А что же на площадке второго этажа? Там есть дверь?

– Нет, Артем, там просто стена.

– Господи, вот это круто! А те, которые выше живут, они говорят «Наш второй этаж» или «Наш четвертый»?

Трой одобрительно кивнул и даже улыбнулся:

– Блестяще!

Артему нравились вторые этажи, они его умиротворяли. И даже будучи птицей невысокого полета из-за боязни высоты, он ловко перемещался по дачной деревянной лестнице и считал это своим достижением. Семи лет от роду они с Троем поедали там овощные и фруктовые салаты, представляя себе, что две ближайшие друг другу ступеньки – это скамейка и стол. Его всегда манило на балконы – стоять над садовым участком или над двором или вести разговоры, сидя прямо на полу и разглядывая узоры балконной решетки – в такие моменты приходило острое понимание того, что нет лишних дел, кроме летних бдений, а он далек от бренности и подвисает в состоянии пусть и иллюзорно обнадеживающей неопределенности. Быть чуть выше первого этажа означало стать немного не собой и позволить себе мечтать побольше. Он начинал с того, что не понял смысла благоустройства пола на своем первом этаже – для него тогда существовало две поверхности: травяной ковер и дно воздушного шара. Впоследствии первый этаж стал зарешечен-

ной тюрьмой с поломочной повинностью. При этом окружающие знакомые дружно прочили ему блестящую карьеру менеджера по уборке территории, что следовало из его азарта в чистке школьных лестниц.

И вот они стояли вдвоем в тишине и одиночестве... Только Ворконий в соседней комнате перемерял стену для своего, совместного с женой, шкафа. В открытую балконную дверь лился свет, и они в ее проеме, подпирая оба косяка, осознавали глубокую интимность обстановки – между домом и миром. Бросая взоры вдаль, Артем впадал в состояние, близкое к дежавю, которое он испытал только однажды.

Тогда жилмассив папиных родителей находился еще на другой планете, а добираться домой приходилось по темноте вдвоем с мамой, которая, казалось, не разбирала дороги после очередной ссоры с мужем. Артем бы скорее предпочел отправить отца в долгое путешествие, а самим отоспаться у деда, но на деле все происходило наоборот: именно отцу требовалось утешение близких, а мама в них не нуждалась – хватала ребенка и отправлялась на свою квартиру с тремя пересадками во имя иллюзии порядка в жизни, логического завершения дня и принципа «спать – дома». Однажды они почти бежали от подъезда в сторону призрачной обстановки и вдруг увидели школу – в точно такой он учился и прекрасно знал, что с ее торца уже виден свой дом. Но вот они завернули за угол – а впереди была пустая чернота вперемешку с редкими гаражами... Он испытал настоящий кошмар. И

несколько лет после этого никакие другие страхи не могли заглушить этого ужаса...

И теперь снова он не видел своего дома за пределами вроде бы знакомого двора, из окон вроде бы знакомого дома... И даже Трой, даже он стал вдруг одним из этой серии «вроде бы». Да, вроде бы он его ждал. Вроде бы он стоит сейчас рядом, вроде бы он не изменился... Но почему-то не получилось крикнуть лучезарного «Ура!», не получилось обнять; и не прошло еще и дня с момента встречи, а уже во всем сквозит отчуждение – в словах, в манере разговора. «Я отвыкаю, – спрашивал Артем сам себя. – Почему я начал так неконтролируемо отвыкать? Жду и отвыкаю. Зачем тогда жду?» А Трой стоит рядом, не понимает совсем ничего, даже не догадывается, он улыбается, он растворяется в своей улыбке, как довольное маленькое нежное существо – и чутко приподнимает брови, следя за мелькающими тенями в смотрящих на него карих глазах, и все будто спрашивает одними губами: «Что? Что?» И тоже он какой-то робкий, приторможенный – но это, наверное, я его подавляю. И он вроде бы рад, но я смотрю на эту радость как на игрушку, которую он завтра же выбросит. И он какой-то слишком маленький, а я вроде бы взрослый... Это раздражает. И я совсем не понимаю, что меня связывает с Троем, как дружить с ним дальше, кто вообще заставляет меня дружить с ним?! <...>

– Я здесь! Вот она я! Смотри на меня!

Он даже не смог остановиться сразу и медленно отступил еще на две ступеньки, а когда поднял голову, верхняя лестница оказалась визуальнo под углом и между прутьями перил была видна Настя Данаева, она быстро спускалась вниз, размахивая желтым зонтиком. Взгляд его скользил по ней снизу вверх, пока она спускалась: узкие брючки, нежно-розовая ветровка, большие зеленые глаза, сияющие под черным каре...

– Привет!.. Ты пришел за мной? Тебя мама послала?

Она с готовностью ухватила его за руку, даже не нуждаясь в ответах – для нее они были заранее утвердительны, и увлекла его вниз, в широкий вестибюль перед раздевалкой со сломанными замками, набитой разбитой мебелью. Здесь Немеркнувший крепко взял ее за плечи и пытливо заглянул в лицо:

– Настя, я здесь работаю...

Она заблестела еще больше и вдруг захохотала:

– Восторк, я поняла! Ты не ожидал меня увидеть. Я – твоё наваждение!

Он развел руками:

– Я ведь не твой отец, чтобы знать, где ты учишься. А удивлен я тому, что Антония тебя так далеко возит...

– Некоторые отцы тоже не знают, – выпалила Настя.

– А некоторые дочери еще слишком маленькие... Кстати, в школьных стенах называй меня Восторком Христофорови-

чем.

– И почаще на «вы»? Неужели ты будешь теперь делать вид, что меня не знаешь, раз не ведешь у нас уроки?

– А вот и познакомились! Я уже многое о тебе знаю: ты – Настя, твой отец не представляет, где ты учишься, а мама не знает, во сколько тебя встречать...

– Да, – вздохнула Настя, – маму придется ждать... А я думала: мы сейчас с тобой на машине поедем...

Они уселись напротив зеркал, совершенно одинокие, но созерцали свои отражения не без удовлетворения.

– Увы! У меня еще будет литература в пятом классе. Кстати, их прежняя учительница взяла с этого года ваш класс.

– Почему же ты не взял?

– Ну уж нет! Спасибо. Я не могу работать на первом классе – к сожалению, не умею общаться с семилетками.

– О! Все-таки ты не будешь со мной разговаривать... Сегодня все к этому сводится!!

– Буду, Настя! С тобой я и раньше общался.

– А тогда у тебя уже есть опыт работы с маленькими детьми!

– С тобой лично, Настя! А не вообще с детьми. И почему ты решила, что я с тобой работал?

– Потому что мама сказала, что ты должен заменять мне отца, когда нет папы... А папа сказал, что быть отцом – это работа...

– Ой, какой ужас! Твои родители даже перед тобой как на

ладони. Они, действительно, друг друга стоят...

– Ага! Вот теперь ты критикуешь старших!

– Помилуй, Настя. Что тебе делать в развивающей школе? Ты уже и так... вполне... ничего себе!

– Куда же мне идти?

– А наверное, в клуб веселых и находчивых...

Тут он представил, как Данаев, родившийся на три недели раньше него, уже, оказывается, ему старший. Хотя, конечно, и собственными их руками, и перстами судьбы всегда планка оборачивалась так, что первый увидевший свет словно присвоил себе какую-то часть энергетического потока и проживал полторы жизни – за себя и немного наперед за другого. «А потом я плелся за ним на веревочке и доживал брошенные мне фрагменты его жизни. И даже Настя – тоже мне подарок через третьи руки...»

Высокая женщина в наглухо закрытом бежевом плаще, заметив их еще с лестницы, приблизилась смущенно и несмело; лицо ее при этом напоминало непроницаемую строгую маску, и в свои тридцать три года она выглядела на сорок.

– Здравствуй, Восторк...

– Здравствуй, – ответил он ей без особых чувств в голосе. Ее появление уже не было столь удивительным для него. Антония попыталась дотронуться до Насти, но дочь ловко вывернулась и побежала прощаться с какой-то Аленой. Восторк медленно поднялся, не отводя от нее взгляда, не отрывая непристойно-любопытных глаз, будто сравни-

вая ее внешность с тем, что было раньше. Она отвечала ему безмолвной тоской и усталостью и не выдерживала прямого взгляда, что говорило только о том, что ей тяжело на него смотреть, либо она привыкла видеть совсем иное в его лице.

– Он не писал тебе? – спросила она, предварительно вздохнув.

– Он! – скептически повторил Немеркнущий. – Так говорят о надоевших мужьях.

– Иногда так приходится выражаться и надоевшим женам. Потому что стыдно и мерзко. Почему он не сообщит о своих обстоятельствах? Я бы освободила его...

– Антония! Вот у тебя есть то, что есть, и не думай о Трое больше, чем нужно. Я подозреваю, что он даже не догадывается, что его ящик блокируется. Мои все письма возвращаются назад. А ты спокойно бы занималась собой, не идет тебе это новое страдание, которое ты себе придумала...

– Взрослый стал? Разбираешься?

– А ты тоже считаешь, что Трой вырос раньше, чем я?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.